

Hatfield E. The dangers of intimacy // Communication, intimacy and close relationships / ed. by V.J. Derlega. – Orlando (FL): Academic press, 1984. – P. 207–220.

Illouz E. Cold intimacies: the making of emotional capitalism. – Cambridge: Polity press, 2007. – 134 p.

Intimacy as an interpersonal process: current status and future directions / Laurenceau J.-Ph., Rivera L.M., Schaffer A.R., Pietromonaco P.R. // Handbook of closeness and intimacy / ed. by D.J. Mashek, A. Aron. – Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum associates, 2004. – P. 61–78.

Intimate relationships / Brehm Sh.S., Miller R.S., Perlman D., Campbell S.M. – N.Y.: McGraw-Hill, 2002. – 554 p.

Lambert A. Intimacy and friendship on Facebook. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 201 p.

Laurent J.S. Food intimacy: a parental perspective of eating behaviors in obese youth // SAGE open. – 2015. – Vol. 5, N 3. – P. 1–6.

Moreu B.C., Gómez D.L. Intimate with your junk! A waste management experiment for a material world // The sociological rev. monographs. – 2019. – Vol. 67, N 2. – P. 318–339.

Selikoglu S., Zengin A. Introduction: why revisit intimacy? // The Cambridge j. of anthropology. – 2015. – Vol. 33, N 2. – P. 20–25.

Törnqvist M. Rethinking intimacy: semi-anonymous spaces and transitory attachments in Argentine tango dancing // Current sociology. – 2018. – Vol. 66, N 3. – P. 356–372.

Valtonen A., Närvänen E. The everyday intimacy of sleeping: an embodied analysis of intimate practices // Consumption markets a. culture. – 2016. – Vol. 19, N 4. – P. 370–386.

Wyss E.L. Mediatized intimacy: interdisciplinary and historical studies (Abstracts) // Communication of love: mediatized intimacy from love letters to SMS: Interdisciplinary and historical studies / ed. by E.L. Wyss. – Bielefeld: transcript, 2014. – P. 9–19.

Zelizer V.A. Intimacy in economic organizations // Economic lives: how culture shapes the economy / ed. by V.A. Zelizer. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 2017. – P. 237–267.

УДК 316.367

2020.04.002. ЯКИМОВА Е.В. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СЕКС-МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ: ЛГБТ, КВИР И ФЕМИНИЗМ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ. (Обзор).

YAKIMOVA E.V. Social and political realities of sexual minorities in Russia: LGBT, queer and third-wave feminism. (Review). DOI: 10.31249/rsoc/2020.04.02

Аннотация. Обзор посвящен социальным и идеологическим проблемам секс-меньшинств в российском и глобальном полити-

ческих контекстах; анализируются теоретические аспекты и современные практики различных направлений современного феминизма, а также дискуссии, связанные с социальными инициативами ЛГБТ, их моральными и нормативными оценками в российском обществе; рассматриваются социальные представления об интимности как индикатор конфликта поколений.

Abstract. The review is devoted to sexual minorities' social and ideological issues in the Russian and global political contexts; it analyses theoretical aspects and contemporary practices of various trends in modern feminism, along with discussions related to the social initiatives of LGBT people, as well as moral and normative assessments of LGBT people in Russian society; it also considers societal ideas on intimacy as an indicator of generational conflict.

Ключевые слова: секс-меньшинства; ЛГБТ; квир-теория; феминизм третьей волны; нео-аболиционизм; гомосексуальность и гомосексуализм; эстетика Третьего рейха; автоэтнография; пожилые; интимный опыт; преступления ненависти; право; М. Фуко.

Keywords: sexual minorities; LGBT; queer theory; third-wave feminism; neo-abolitionism; homosexuality; aesthetics of the Third Reich; autoethnography; older people; intimate experience; hate crimes; law; M. Foucault.

В обзоре представлены статьи из журнала «Социология власти» (издается в РАНХиГС при Президенте РФ на базе философско-социологического факультета Института общественных наук, Москва), посвященные анализу политики современного государства в отношении секс-меньшинств. В соответствии с издательской стратегией журнала, который с 1989 г. знакомит российскую аудиторию с актуальными дискуссиями в социальных науках в формате тематических номеров, выпуск под названием «Социология сексуальности» (2018, Т. 30, № 1) включает исследования, эмпирические наблюдения, теоретические обобщения и прогнозы, касающиеся перипетий сексуальности в современном, преимущественно российском, политическом контексте. Значительную часть статей, опубликованных в номере, составляют материалы специальной секции в рамках ежегодной конференции Санкт-Петербургской ассоциации социологов «Тревожное общество: о чем (не)

говорит социология» (1–2 декабря 2017 г., Европейский университет в Санкт-Петербурге). Как замечает во вступительном слове редактор-составитель номера Евгений Шторн (Лаборатория исследований сексуальности¹), по мере формирования подборки в нее были включены и другие тексты, которые существенно расширяют горизонты социального изучения сексуальности, хотя и не связаны с темой напрямую [Шторн, 2018 а]. Вероятно, по этой причине статьи, нашедшие отражение в настоящем обзоре, демонстрируют пестроту поднятых проблем и существенно различаются между собой по глубине анализа, ясности гипотез и убедительности итоговых результатов (от обобщений эмпирических данных на базе нерепрезентативной выборки до впечатляющего разбора гомосексуальности как явления и гомосексуализма как идеологии в качестве факторов глобальной мировой политики и изящного информативного эссе об образах женственности времен Третьего рейха).

Е.М. Шторн подчеркивает, что публикация разножанровых материалов примечательна не только как показатель вектора развития российской академической социологии, но и как «политическое действие»: она способствует выработке «конвенциональной терминологии в разговоре о сексуальности» на русском языке и «навыка письма и речи на эту непростую во всех отношениях тему» [там же, с. 8]. Опираясь на идеи М. Фуко [Фуко, 1996], автор вступительного слова констатирует присутствие в современном обществе «драйва производства дискурса», который противостоит социальной тенденции замалчивания темы сексуальности и делает ее одним из самых политизированных предметов обсуждения в современном мире, в том числе в России. Именно сейчас, в начале нового тысячелетия, культурные войны, обусловленные сексуальным беспокойством, получают особое политическое звучание на самых разных социальных трибунах. Это связано с активным обсуждением в СМИ и в ходе политических диспутов правомочности нравственной и экспертной оценки сексуальности в различных ее формах, а также ее нормативного и морального регулирования, что свидетельствует о размывании границ между приватным и публичным и способствует выявлению неожиданных аспектов со-

¹ Лаборатория исследований сексуальности. – Режим доступа: <https://lgbt-rightsinarussia.wordpress.com> (Дата обращения: 17.09.2020.)

временных представлений о норме и девиации, традициях и ценностях, свободе и зависимости. «Сексуальность и гендер растворены во всем и продолжают тревожить наш дивный старый мир», – резюмирует свою позицию Е.М. Шторн [Шторн, 2018 а, с. 13].

Александр Кондаков (научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, Санкт-Петербург; постдок-исследователь, Висконсинский университет в Мэдисоне, США) предлагает неконвенциональное прочтение темы противостояния глобального Севера и глобального Юга по вопросу о правах секс-меньшинств, что позволит перенести обсуждение международных дебатов о гомосексуальности в плоскость «пересекающихся потоков власти» [Кондаков, 2018]. Автор считает, что разделение национальных государств на те, что признают «права геев» и те, что отказываются легитимировать гомосексуальные отношения, слишком однозначно и малоинформативно с социологической точки зрения; подобная дихотомия существенно упрощает как содержание международных дискуссий о гомосексуальности, так и механизм политической власти, формирующий видение проблемы на уровне отдельной страны. Оба подхода (включающий и исключаящий), поясняет свою мысль А.А. Кондаков, «используют схожие механизмы власти и питаются от одного источника» [там же, с. 14]. В первой части своей статьи он освещает общий ход современных международных дебатов на тему ЛГБТ в рамках принятой (конвенциональной) модели, во второй – излагает свою версию происходящего, демонстрируя некорректность дифференциации стран в связи с тем или иным отношением к феномену гомосексуальности в текущий момент истории. «Конкретная властная позиция – замечает по этому поводу автор, – не может быть характерна только для некоторых стран и не свойственна другим. Скорее речь может идти о пересекающихся потоках власти, пронизывающих дискуссии о гомосексуальности на международной арене» [там же, с. 15].

Излагая фактическую сторону этих дискуссий (с конца 2000-х годов по настоящее время), автор обращает внимание на то, что Россия еще в 2009 г. выступила инициатором политических и правовых ограничений в отношении ЛГБТ: представитель РФ в ООН озвучил идею интерпретации прав человека через концепцию традиционных ценностей (которые, разумеется, имеют ярко выра-

женную национальную специфику). В связи с этим заявлением феномен «нетрадиционной» сексуальной ориентации упоминался лишь вскользь, однако в нашей стране пропаганда традиционных ценностей недвусмысленно фокусировалась на социально-правовой эксклюзии гомосексуальности. Автор статьи подробно рассматривает пропагандистскую риторику документов, которые циркулировали в отечественных коридорах власти на уровне региональных законодательных собраний начиная с 2009 г. Дискурсивные стратегии подобных законодательных инициатив использовали «эмоциональные ассоциации в культурном спектре стыда и позора» для дискредитации ЛГБТ-сообществ, сочетая язык эмоций «с намеками на необходимость регулирования “девиантов” посредством уголовного права» [там же, с. 17]. Главным преступлением ЛГБТ оказалось рекрутирование в их ряды детей, главным аргументом против признания их политических и гражданских прав – биополитический тезис о невозможности продолжения рода гомосексуальной парой, лишаящей государство будущих граждан. И хотя это разделение граждан на «хороших» и «плохих» в зависимости от их сексуальных предпочтений являлось по преимуществу риторическим конструктом, такая риторика повлекла за собой вполне осязаемый политический и социальный результат – федеральный закон о запрете пропаганды гомосексуализма в России, заключает А. Кондаков.

Российская законодательная практика в отношении гомосексуальности нашла отклик в ряде бывших союзных республик (Литва, Кыргызстан, Армения) и на африканском континенте (Сенегал, Уганда). Означает ли это, что перечисленные государства следует отнести к «отсталым» (по сравнению с «передовыми» странами Евросоюза и большинством штатов США) – в надежде на то, что исторический прогресс расставит все по своим местам? По мнению А. Кондакова, такое понимание происходящего слишком прямолинейно. Для взвешенного анализа «глобальной циркуляции гомофобии», который может выявить «более сложную картину, чем карта мира, разделенная надвое», он предлагает использовать социополитическую метафору М. Фуко. Фуко назвал «эффектом бумеранга» описанный им процесс «внутренней колонизации Запада», т.е. возвращение в юридическо-политическую структуру Запада ряда колониальных моделей [Фуко, 2005, с. 117]. Одним из

современных проявлений эффекта бумеранга А. Кондаков считает наблюдающуюся на протяжении XX – начала XXI столетия динамику социальной и правовой политики в отношении ЛГБТ на фоне трансформации гомосексуальности (как феномена) в гомосексуализм (как политическую идеологию).

Суть этого превращения состоит в том, что форма сексуальности изымается из сферы частной жизни граждан и становится предметом политического прочтения и манипулирования. Примером тому могут служить СССР и Великобритания, которые сегодня находятся по разные стороны баррикад в споре о гомосексуальности. После 1917 г. наша страна отказалась от уголовного преследования за гомосексуальные отношения, что составляло часть повестки грядущей мировой революции; в 1930-е годы в СССР «началась работа по криминализации гомосексуальности», представлявшая собой «попытку введения тотального контроля над определением разрешенного и запретного в принципе» [Кондаков, 2018, с. 25]. В Великобритании времен М. Тэтчер была предпринята реформа школьных программ – с тем, чтобы исключить возможность рекрутирования детей в ЛГБТ-сообщества; спустя 25 лет Д. Кэмерон анонсировал общемировую кампанию за легитимацию однополых браков, связав ее с сохранением одной из консервативных ценностей, каковой является институт семьи. В ходе этих исторических перипетий «определение сексуализированного гражданства отдано на откуп государству», причем люди искали «признания государством их интимных отношений в единственной форме – брака», – констатирует автор статьи. В результате «субъекты экспроприруются государством через правительственное управление интимностью» [там же, с. 26].

Превращение гомосексуальности в гомосексуализм, пишет в заключение А.А. Кондаков, и есть проявление эффекта бумеранга по Фуко. В содержательном отношении политика национальных государств в отношении секс-меньшинств может быть весьма разнообразной, но «техника власти по обращению с сексуальностью не меняется: она в полной мере стала вопросом государственного значения; государства определяют границы и содержание прав ЛГБТ» [там же]. В связи с этим следует вспомнить, что ни в 1970-е годы, ни десятилетие спустя вопрос о государственном признании

квир-отношений¹ не был фокусом протестной повестки сексменьшинств и гей-активистов на Западе.

Тема «гомосексуальность и власть» применительно к отечественному политическому контексту и российской системе судопроизводства обсуждается в очерке Е.М. Шторна, который анализирует ее преломление в нормативно-юридическом поле [Шторн, 2018 б]. Автора интересуют так называемые преступления ненависти, или преступления (убийства), совершенные на почве неприязни к людям негетеросексуальной ориентации в России. Материалом для его размышлений стали судебные решения по ст. 105 УК РФ (убийство), имеющие непосредственное отношение к преступлениям против мужчин-гомосексуалов.

Как и А.А. Кондаков, Е.М. Шторн исходит из тезиса Фуко о том, что в современном обществе вопросы сексуальности не являются личным делом человека, а представляют собой отражение общественных структур власти. В России государственные институты поддерживают единую (гетеросексуальную) модель нормативной сексуальности как базирующуюся на стереотипе «традиционных» отношений между полами. Эта модель транслируется СМИ, тиражируется в научно-популярных публикациях, доминирует в массовых представлениях и выступает источником напряжения между людьми разной сексуальной ориентации, что находит выход в том числе в преступлениях ненависти, замечает автор.

¹ Квир (англ. *queer* – странный, необычный, чудной) – термин для собирательного обозначения (и самонаименования) людей, не согласных с традиционной дихотомией женского / мужского и гетеро / гомо, которые сознательно отказываются относить себя с какой-либо одной из этих социальных категорий. В практиках ЛГБТ-сообществ слово «квир» нередко трактуется как «ищущий», т.е. тот, кто находится в поиске своей гендерной идентичности и сексуальной ориентации либо выступает за сексуально-гендерный плюрализм. Последнее толкование термина «квир» присутствует и в академической социологической литературе (квир-теория), которая заимствует некоторые положения концепции сексуальности М. Фуко и постулирует преимущественно социальную (сконструированную), а не биологическую детерминацию таких феноменов, как пол и гендер, а также выбор формы сексуальности. В самом общем смысле термин «квир» обозначает людей и концептуальные модели, ориентированные против классического противопоставления мужчин и женщин и декларирования гетеросексуальности в качестве социальной нормы отношений полов.

На Западе подобные преступления, которые могут совершаться на почве расовой, религиозной, классовой или гендерной неприязни либо на пересечении этих факторов, изначально были объектом внимания правозащитников, а позднее – социологов и социальных психологов. Особенностью российского социально-правового контекста выступает тот факт, что преступления против секс-меньшинств не имеют особого статуса, тем более что их представители не считаются в нашей стране членами социальной группы [там же, с. 64]. В ст. 105 УК РФ перечислены обстоятельства, усугубляющие вину преступника (мотивы политической, расовой, национальной, религиозной неприязни), в ряду которых не упоминаются гендерные либо сексуально окрашенные побуждения. В связи с этим Шторн подчеркивает, что преступления против негетеросексуалов – это отражение отношений власти в российском обществе и проявление механизма социального контроля, основанного на институционализированной структуре власти и поддерживающего сложившуюся властную иерархию. По этой причине уцелевшие жертвы подобных преступлений обычно не обращаются в полицию, справедливо предполагая, что официальные лица могут и не квалифицировать произошедшее как преступное деяние [там же, с. 63].

Автор очень скрупулезно подошел к отбору эмпирического материала для своего исследования. Он выделил следующие критерии для включения материалов того или иного уголовного дела в контекст своего социологического анализа: 1) судебные документы должны быть маркированы как преступления на почве ненависти; 2) источник судебных решений – официальная база ГАС «Правосудие»; 3) в приговоре не должны упоминаться никакие иные обстоятельства и мотивы содеянного (кража, грабеж, шантаж и т.п.); 4) приговор должен основываться на ст. 105 УК РФ; 5) это должен быть документ первой судебной инстанции [там же, с. 65]. Используя перечисленные критерии, автор статьи составил список из 22 судебных решений по делам, в которых жертвой убийства являлся мужчина-гомосексуал (решения были вынесены в период с 2010 по 2015 г.; осужденные получили от 5 до 18 лет лишения свободы; география рассмотрения дел охватывает большое число городов и населенных пунктов России – от Москвы до Владивостока).

В ходе своей работы Шторн уделяет особое внимание воссозданию обстоятельств преступлений в отношении негетеросексуалов, не всегда очевидных в контексте судебных материалов. Социальной константой таких преступлений служит распитие спиртных напитков. Алкоголь – как «спусковой крючок» – не только провоцировал агрессию в отношении жертвы, но нередко выступал способом разоблачения нетрадиционной сексуальной ориентации пострадавшего, о которой изначально мог не догадываться будущий убийца. В других случаях, когда о гомосексуальности жертвы было известно заранее, потенциальный объект преступления ненависти мог своими действиями или разговорами оскорбить собутыльников и спровоцировать вспышку агрессии. Алкоголь также срабатывал как механизм «разблокировки негетеросексуального желания в контексте гетеросексуальной структуры власти» [там же, с. 66]. В иных обстоятельствах ритуал распития спиртных напитков в компании мог быть нарушен неожиданной демонстрацией гомосексуальной ориентации одного из собутыльников, что влекло за собой преступление. В случае родственных отношений с негетеросексуалом, о наклонностях которого было известно, алкоголь мог спровоцировать вспышку агрессии из-за оскорбления семейной чести, что заканчивалось нападением. Материалы судебных дел свидетельствуют о том, что преступления на почве сексуальной неприязни, как правило, не только носят спонтанный характер, но и отличаются крайней жестокостью, причем преступник чаще всего не считает себя виновным и охотно рассказывает о содеянном друзьям и близким. В таком поведении людей, совершивших убийство негетеросексуалов, автор статьи усматривает отражение доминирующей в российском обществе нормы сексуальности, поддерживаемой на уровне государственной идеологии.

Он обращает особое внимание на тот факт, что ни одно из проанализированных им преступлений не было совершено в публичном пространстве (на митинге, демонстрации, параде гей-активистов); их ареной всегда оказывалась сфера межличностных отношений. По мнению Шторна, это объясняется особой атмосферой интимности межличностного общения, подкрепленного совместным употреблением алкоголя: потенциальная жертва рассчитывает на «доверительное гомосексуальное раскрытие», потенциальный убийца рассчитывает на возможность сокрытия

своего преступления, даже если считает свое деяние морально оправданным [там же, с. 71]. Убийца, поясняет свою мысль Шторн, не видит в содеянном греха, поскольку убежден, что он охраняет «легитимный порядок гетеросексуальности», который считается социальной ценностью. Таким образом, именно «в частных ситуациях возможны наиболее жестокие формы социального контроля сексуальности, подразумевающие гетеронормативные властные отношения как центр этой социальной системы», – резюмирует свой вывод автор статьи [там же, с. 72–73]. Социально-правовой аспект подобной трактовки содеянного со стороны преступника, оправдывающего себя ссылками на испорченность негетеросексуальной жертвы, проявляется, в частности, в том, что российские суды чаще всего принимают это в качестве фактора, смягчающего вину, и назначают меньшие сроки лишения свободы. Иначе говоря, институт правосудия в нашей стране негласно признает за преступником право определять нормы сексуальности [там же, с. 73].

Эту мысль Е.М. Шторн развивает в заключении своей статьи. Он настаивает на том, что интерес представителей правосудия зачастую находится вне моральных суждений; сексуальная подоплека произошедшего нередко оттесняется на задний план подробными описаниями способа убийства, местоположения трупа, количества нанесенных ударов и т.п. Между тем, как показывает предпринятый социологический анализ, центральным событием, предопределявшим ход преступления, служит факт «гомосексуального раскрытия» будущей жертвы, что могло и не подразумевать с ее стороны реального совершения полового акта. Другими словами, неожиданное или не вполне ожидаемое проявление негетеросексуальной ориентации собеседника / собутыльника во всех рассмотренных случаях стало мотивом (и оправданием) преступлений ненависти на сексуальной почве для их субъектов.

Примечательно, что судебные документы практически не принимают в расчет социальный контекст подобных преступлений, что открывает широкое поле для исследований политической установки на замалчивание сексуальности в рамках российских государственных институтов. Скучные данные судебных отчетов позволяют сделать вывод о маргинальности большинства участников описанных выше ситуаций (сироты, инвалиды, обитатели до-

мов престарелых, безработные, сезонные рабочие, люди, отбывавшие наказание) [там же, с. 74]. Система властных отношений, которая основана на гетеросексуальности в качестве единой нормы, как это имеет место в России, пишет в заключение Е.М. Шторн, создает и поддерживает политику умолчаний вокруг феномена гомосексуальности и отводит ей в качестве легитимного, но не безопасного «местоположения» исключительно приватное социальное пространство.

Даниил Жайворонок (лаборант программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге) обсуждает теоретическую составляющую российского женского движения (в соотношении его с «транснациональным», или глобальным, феминизмом) и идентифицирует проблемы отечественной феминистской идеологии третьей волны, которые он обозначает как «тревогу основания» и «тревогу перевода» [Жайворонок, 2018]. Лакмусовой бумажкой, наглядно показывающей дискурсивные и содержательные трудности феминизма XXI в., он считает дискуссию о коммерческом сексе (т.е. проституции; далее – *КС*), которую, как он полагает, феминистки наших дней (и на Западе, и в России) используют для разрешения внутренних идеологических и политических противоречий. Д.В. Жайворонок исходит из гипотезы о том, что «обсуждение *КС* является [...] способом обоснования статуса самого феминизма, его роли и политических стратегий» [там же, с. 35].

Анализ «тревог феминизма» автор предваряет разъяснением своей методологической позиции и политических предпочтений применительно к современному феминистскому движению в целом. Краткий обзор истории феминизма XX–XXI вв. позволяет сделать вывод о серьезном расхождении в вопросах теории (прежде всего – в толковании категории «женщина» и оценки *КС*) и социально-политической практики между идеологами неаболиционизма (радикальный феминизм) и представителями третьей волны, отстаивающими право женщин, занимающихся проституцией, иметь свое мнение по поводу древнейшей профессии и защищать свой выбор в пользу *КС*. Подчеркивая, что феминизм никогда не был однородным социальным движением (ни в России, ни тем более на Западе), Д. Жайворонок декларирует свою солидарность с феминизмом третьей волны, конкретнее – с тем его

крылом, которое защищает «право женщины на выбор» (включая занятия проституцией), или с так называемым *pro-sex work feminism* [там же, с. 36]. Другими словами, автор заявляет о своем неприятии нео-аболиционистской точки зрения на проблему *КС*, критика которой и составляет основную задачу его статьи. В методологическом отношении, подчеркивает Жайворонок, такая позиция продиктована близкой автору феминистской эпистемологией, постулирующей заведомую встроенность исследователя в исследуемый контекст, «эксплицитное включение его позиции и задаваемой ею оптики в процесс интеллектуального производства», что служит продуктивным и даже конструктивным элементом познания [там же, с. 37–38]. Вслед за Д. Харауэй он называет фикцией презумпцию объективности социального аналитика и настаивает на невозможности политически нейтрального генерирования знания [Naraway, 1988].

Итак, Д. Жайворонок солидаризируется с глобальным феминизмом третьей волны в критике нео-аболиционизма и стремится показать, почему вопрос о *КС* является главным в теоретических и социально-политических дебатах отечественного и транснационального феминистского движения наших дней.

Феминистские «секс-войны» уходят своими корнями в 1960-е годы, когда вторая волна феминизма существенно проблематизировала традиционную повестку дня «женских исследований» и способствовала их политической, идеологической, социальной и академической институционализации. Идеологи феминизма второй половины XX столетия конкретизировали саму постановку вопроса о гендерной асимметрии в обществе и социальной дискриминации по признаку пола. Эффективными средствами такой конкретизации стали анализ и деконструкция властных техник, с помощью которых тиражировался образ женщины как субъекта, принципиально отличного от мужчины, и этот образ наделялся ролями и функциями, ограничивающими социальные перспективы женщины. Феминистская социальная критика способствовала постепенной кристаллизации особого предмета женских исследований – категории «женщина» как внесоциального, внекультурного и внеисторического объекта изучения, главным атрибутом которого являлось подчиненное положение женщин в мужском мире. «В процессе институционализации феминистского движения, – пишет по

этому поводу автор статьи, – само существование женщины как универсальной категории стало обосновываться представлением о трансгисторическом и транскультурном патриархатном угнетении» [Жайворонок, 2018, с. 39]. Однако постколониальные и постструктуралистские социальные исследования поставили под сомнение реальность «единого женского опыта» и, соответственно, единого женского субъекта; как оказалось, формирование подобного субъекта лежит на пересечении множественных разноплановых идентичностей и отношений власти (класс, раса, сексуальность, культура, религия, язык, гендер) и потому не может быть редуцировано к абстрактной категории «женщина». Так было положено начало третьей волне феминизма, акцентирующего внимание не на сходстве (тождестве, единстве), а на различии (в том числе – различии сексуальных предпочтений и выбора). Это обстоятельство стало поводом для «тревоги основания», или беспокойства в связи с угрозой исчезновения (размывания) предмета феминистских исследований и их идеологических предпосылок, исходящих из постулата об универсальном патриархатном мужском доминировании, замечает автор статьи.

«Тревога перевода» связана с тем, что транснациональные феминистские дискурсы являются по преимуществу англоязычными и поэтому для представителей российского феминизма, которые «мобилизуют эти дискурсы для аргументации собственной позиции», необходимо более или менее адекватное переложение их на русский язык [там же, с. 40]. Вот здесь и возникают основные трудности, которые не ограничиваются общими проблемами передачи исходного смысла на другом языке и выбором тех или иных оригинальных текстов для перевода в ущерб другим. Главная трудность – это вопрос о степени совпадения переводного (транснационального) феминизма, его тематики и менталитета с женскими проблемами, характерными для постсоветского пространства. Как замечает по этому поводу одна из отечественных исследовательниц, «наш “гендер” затрагивает совсем не те социальные темы, которые постсоветские женщины видят причиной своих проблем» [Гапова, 2006, с. 161]. Кроме того, как показывает анализ литературы, в России наблюдается явное преобладание переводов нео-аболиционистских, радикальных феминистских текстов, тогда как исследования альтернативной и критической

направленности переводятся крайне редко, замечает Жайворонок. В ряду оригинальных, непереводаемых текстов он выделяет работу Н.В. Ходыревой [Ходырева, 2006] – как «апологетический синтез нео-аболиционистских аргументов». Эта работа зачастую расценивается русскоязычными феминистками как настольная книга и руководство к действию.

Таким образом, заключает автор статьи, российский феминизм испытывает двойную тревогу, во-первых, разделяя опасения транснационального женского движения по поводу своего статуса и субъекта, и во-вторых – демонстрируя локальное беспокойство, касающееся применимости западных лекал и социально-политического инструментария в постсоветской действительности. В более широком плане последнюю «тревогу» можно охарактеризовать как проблему (не)совпадения феминистского дискурса глобального Севера с национально-культурными контекстами стран, находящихся вне его геополитических пределов [Жайворонок, 2018, с. 43].

Каким же образом дискуссии о *КС* могут выступать средством редукции базовой тревожности современного феминизма? По мнению автора, такие дискуссии – это попытка отстоять легитимность радикального (нео-аболиционистского) проекта перед лицом вызовов глобального и локального характера. «Средством избавления, – пишет Д. Жайворонок, – становится мечта об общем феминистском языке, т.е. попытка сконструировать универсальность и самоочевидность смысла и значения такой категории, как женщина» [там же]. Как это ни парадоксально, основой этой общей категории (вместо прежнего образа женщины как субъекта, отличного от мужчины) становится «женщина, вовлеченная в проституцию». *КС* в данном толковании выступает главной семантической единицей в проекте генерирования и тиражирования общего языка феминизма, универсальность которого позволяет рассуждать о единой женской сущности и общности. С этой целью феномен *КС* в радикальном феминистском дискурсе (в том числе отечественном) конструируется таким образом, чтобы быть созвучным нынешней общекультурной дискуссии о различиях и единстве.

Основой нео-аболиционистской концептуализации *КС* служат не столько эмпирические данные, сколько постулаты этиче-

ского и метафизического характера, которые уместны и в патриархатном, и в националистическом, и в колониальном, и в консервативном феминистских проектах, подчеркивает Жайворонок. *КС* (проституция) рассматривается исключительно в терминах насильственного мужского доминирования и эксплуатации женского тела. Женщина, вовлеченная в проституцию, есть исключительно жертва внешних обстоятельств, но ни в коем случае не субъект собственного выбора. Как замечает по этому поводу Н. Ходырева, «благополучная, сильная в личностном плане женщина обычно не “выбирает” проституцию» [Ходырева, 2006, с. 149]. Примечательно, указывает автор статьи, что этическая формула нео-аболиционизма, которая разводит по разным социальным полюсам «сильную женщину» и секс-работницу, ставит в кавычки слово «выбор» применительно к занятиям *КС* [Жайворонок, 2018, с. 46]. В итоге, как отмечают западные оппоненты радикального феминизма, женщина лишается агентности и субъектности и низводится до уровня пассивной жертвы маскулинного мира. Однако патриархатное насилие как база *КС*, оказывается, не ограничивается секс-работницами. Оно распространяется на всех женщин вообще, на женщину как таковую: проституция заведомо означает продаваемость и продажность женского тела, которое объективировано и отчуждено. Таким образом, проституция становится единственным основанием для того, чтобы говорить о женщине как единой категории, подлежащей анализу и защите в «женских исследованиях» [там же, с. 46–47]. Также нео-аболиционизм активно использует механизм социальной эксклюзии: секс-работницы, заявляющие о своем намеренном выборе в пользу древнейшей профессии, исключаются из числа легитимных участниц феминистских дискуссий – на том основании, что они непременно озвучивают мужское мнение.

Метафора женщины как «заведомо проституируемой» постепенно приобретает перформативный характер; эта метафора не только отсылает к ужасам патриархата, но и способствует реставрации единого женского субъекта. В свою очередь, опасность проституирования, угрожающая женщине вообще, легитимирует претензию нео-аболиционизма на то, чтобы делать заявления от имени всех женщин – как универсальной категории. Тем самым устраняется базовая тревога основания, связанная со статусом

женских исследований, социально-политических проектов и феминистского движения в целом. Что же касается тревоги перевода, то декларируемая общность опыта единого женского субъекта и в этом случае создает «виртуальный гомогенный континуум», в котором перемещающиеся знаки и смыслы не нуждаются в интерпретации, так как в любом случае обозначают один и тот же объект [там же, с. 49]. Отвечая своим оппонентам, которые указывают на культурное разнообразие сексуального опыта и практик, адепты радикального феминизма утверждают, что эти факты не меняют социальной сути проституирования женщин. По замечанию Н. Ходыревой, проституция – это очень простое явление, которое испытывается насилием над женщиной [Ходырева, 2014].

Деконтекстуализация, редукция и социальная эксклюзия, характерные для радикально-феминистской интерпретации *КС*, превращают последний в черный ящик, который не нуждается в понимании того, что у него внутри; это просто инструмент, выполняющий определенные функции, пишет в заключение Д.В. Жайворонок. В случае радикального феминизма функцией феномена *КС* становится легитимация его теоретического и политического проекта перед лицом новой социальной реальности.

Обсуждение специфики отечественного феминизма наших дней продолжает Ольга Сенькова (стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург; аспирантка социологического факультета Карлова университета, Чешская Республика) [Сенькова, 2018]. Автора интересуют практики сексуальности и стратегии солидарности участниц низовых феминистских инициатив «в консервативном политическом контексте современной России» с характерным для него конструированием «исконно русских» ценностей семьи и брака и императивом четкой гендерной дихотомии [там же, с. 79]. Эмпирической базой обобщений и выводов О.А. Сеньковой служат сведения, собранные ею в ходе интервью с активистками феминистских проектов и мероприятий, а также с помощью метода включенного наблюдения (фестивали, клубы, лекции, кинопросмотры, дискуссии и т.п.). Полученный материал используется для определения векторов солидарности и эксклюзии в среде респонденток феминистской ориентации – с тем чтобы выявить характер их сексуальной и гендер-

ной самоидентификации, отношение к КС и практикам БДСМ¹, а также к квир-теории и квир-субъектам.

В концептуальном плане исследование О. Сеньковой базируется на идеях Дж. Батлер и К. Вэнс. В классической работе Дж. Батлер, излагающей основы квир-теории, показано главное различие между радикальным и либеральным феминизмом (или феминистским движением второй и третьей волн). Как отмечает Батлер, парадигма квир-исследований выдвигает на первый план нефиксированность сексуальности и ее форм, изменчивость и подвижность ее проявлений – в противовес бинарной оппозиции мужского – женского и декларирования гетеросексуальности как нормы [Butler, 1990]. В отличие от представителей радикального феминизма, которые виктимизируют женскую сексуальность, представители третьей волны настаивают на противоречивости и разнообразии женского сексуального опыта и подчеркивают необходимость плюралистической этики как предпосылки для осмысления и признания сексуального разнообразия [Vance, 1984].

Российский политический контекст текущего десятилетия О. Сенькова, вслед за рядом западных критиков, характеризует как подчиненный полу-авторитарному неомаскулинному режиму, где «проявление мачистской маскулинности господствует над несубверсивной феминностью» [Сенькова, 2018, с. 82]. Здесь имеется в виду доминирование в нашей стране консервативного политического дискурса, который сменил либеральные трактовки сексуальности начала 2000-х годов и насаждает патриархальную неотрадиционную гендерную идеологию и государственную политику гомофобии и сексизма [там же, с. 82–83]. Наиболее ярко российский неоконсервативный политический дискурс проявляется в ущемлении репродуктивных прав женщин во имя биополитических амбиций государства, в репрессиях в отношении ЛГБТ-активистов и в отсутствии сексуального просвещения, подчеркивает О. Сенькова.

Очевидно, что такие условия исключают возможность осуществления в России масштабных феминистских проектов, а сами феминистки (и профеминисты), не согласные с установками пат-

¹ БДСМ (*бондаж, доминирование, садизм, мазохизм*) – психосексуальная субкультура, предполагающая эротический обмен властью и иные формы сексуальных отношений, затрагивающих игры в господство и подчинение.

риархальной идеологии сексуальности, подвергаются остракизму как «гендерные диссиденты». Тем не менее феминистские инициативы в нашей стране все же существуют, демонстрируя теоретическую эклектичность и слабую формальную организацию. Эти инициативы свидетельствуют о ряде характерных особенностей самоидентификации отечественных феминисток и форм солидарности, базирующихся на том или ином прочтении темы сексуального разнообразия.

Солидарность в рамках проекта О. Сеньковой трактуется как характеристика сообществ, объединяющих молодежь вокруг определенных ценностей, жизненных стилей и социальных практик. Сексуальность же анализируется в качестве социального конструкта, действующего в пределах полей власти (по Гидденсу), – конструкта, способного воспроизводить структуры неравенства и модусы подавления, воплощенные в системах сексуальной стратификации [Гидденс, 2004]. Кроме того, сексуальность в данном исследовании рассматривается через призму категорий «риск» и «удовольствие», первая из которых ассоциируется с насилием и подавлением, а вторая – с агентностью и самоутверждением [Vance, 1984].

Исследование осуществлялось в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ; в период с 2015 по 2017 г. автор провела серию глубинных интервью с 28 феминистками – жительницами Санкт-Петербурга (17–39 лет; разный уровень образования, различный опыт партнерских отношений и сексуальных практик) и 32 дня включенного наблюдения (в том числе – участие в уличных акциях)¹. Цель проекта состояла в реконструкции представлений о сексуальности участниц низовых феминистских инициатив (содержание которых, к сожалению, не конкретизируется в статье). Анализ материалов интервью и опыта включенного наблюдения должен был дать ответ на следующие вопросы: а) как протекает конструирование значений сексуально-

¹ Манера речи, лексикон, общий характер цитируемых высказываний зачастую дают приблизительное представление об интеллектуальном и образовательном уровне информанток. Показательны, например, такие реплики: «как бы че, квир, либо конец света»; «много активисток, там, не знаю, которые транслюдей не приемлют... и умудряются свои, ну, акции как бы делать» [Сенькова, 2018, с. 87]; «особо не до либидо» [там же, с. 93].

сти в континууме «риск – удовольствие»; б) какие механизмы солидарности / эксклюзии используются в этих процессах [Сенькова, 2018, с. 84]. По завершении проекта автор выделила такие векторы солидарности, существенные для формирования представлений о сексуальности, ее формах и девиациях, как самоидентификация (отнесение себя к категории «женщины» либо «квир»); установка на создание социального пространства феминизма как исключительно женского (male-free) либо инклюзивного (феминисты-мужчины, активисты ЛГБТ и квир); отношение к КС и практикам БДСМ.

В ряду социально значимых факторов понимания сексуальности информантками в континууме «риск – удовольствие» самым существенным оказался личный опыт подверженности сексуальным домогательствам или насилию (родительская семья, партнерские отношения, место работы или учебы). Лейтмотивом ответов информанток являлись констатация «уязвимости» женщины как объекта мужского доминирования; самоидентификация с миноритарной группой «женщины» и конституирование мужчин как «других». На этом фоне часто звучало требование исключать из феминистских сообществ этих «других», включая представителей ЛГБТ и квир; меньшая часть опрошенных допускали участие нефеминисток в общей борьбе против гендерного неравенства и гомофобии. Другой эмоционально насыщенной темой и поводом для солидаризации / исключения стал феномен КС. Большая часть участниц проекта придерживалась нео-аболиционистской точки зрения, меньшая настаивала на наличии права выбора у секс-работниц и их агентности. Наиболее радикально настроенные информантки предлагали лишить секс-работниц и их защитниц права на участие в феминистском движении. Примерно так же обстояло дело и с отношением к практикам БДСМ: большая часть сочла их проявлением мужского доминирования и фактором риска, меньшая – свободным поиском удовольствия. В заключение О.А. Сенькова подчеркивает, что самыми актуальными социальными стратегиями для участниц проекта оказались минимизация рисков, связанных с сексуальным насилием, и создание безопасного социального пространства на фоне идентификации с категорией «женщина» как уязвимой социальной группой [там же, с. 93].

Социально-историческое эссе Эллы Россман (магистр Школы исторических наук, НИУ ВШЭ, Москва) воссоздает образ феминности в эстетике Третьего рейха [Россман, 2018]. Эмпирической базой работы служит годовая подборка номеров журнала «NS-Frauen-Warte» (далее – NSFW) за 1941 г. – официального нацистского журнала, который содержал статьи идеологической направленности, очерки быта женщин в странах, дружественных Германии, новости с фронтов, а также рекламу, статьи о моде, советы по уходу за детьми, кулинарные рецепты. Автор обращает особое внимание на то, что задача исследования заключалась в идентификации именно визуального (т.е. представленного в виде изображений, фотографий, картинок и т.п.) образа немецкой женщины, который соответствовал идеологическим постулатам национал-социализма. С этой целью исследовательница сопоставляет и анализирует журнальные иллюстрации с изображениями женщин, мужчин, детей, военных чинов и партийных лидеров. Как поясняет Э.Ю. Россман, главный вопрос для нее состоял в том, чтобы выяснить, существовала ли в Третьем рейхе особая эстетика феминности, которая тиражировалась официальной пропагандой, в том числе путем ее визуализации на страницах NSFW. Выбор подборки номеров именно за 1941 г. связан с тем, что это был период военных побед немецкой армии на Восточном фронте, когда «режим еще имел массу планов и надежд» [там же, с. 127].

Касаясь методологии своего исследования, автор отмечает, что журнальные образы рассматривались в трех измерениях: на уровне идентичностей, которые они отображали и конструировали; на уровне иконографии (повторяющейся внешней атрибутики) и на уровне композиционной организации образа. Тем самым социально-исторический анализ сочетался с искусствоведческим. В первую очередь в работе анализируются структура журнала и связь между идеологическим идеалом немецкой женщины в Третьем рейхе и образами, запечатленными на страницах NSFW. Несмотря на то что каждый номер содержал несколько статей идеологического плана (одну основную и две-три популярные), журнал был скорее ориентирован на «просмотр», а не на внимательное чтение. Изображения (картинки, рисунки, фотографии), которые помещались на страницах журнала, транслировали гендерную и семейную политику Третьего рейха и были рассчитаны на вполне

конкретную аудиторию: физически и психически здоровых этнических немцев детородного возраста, принадлежащих к среднему классу и выше, которые могли себе позволить статус домохозяйки. Этот образ подкреплялся иллюстрациями в разделе моды (вечерние туалеты, меха и кокетливая домашняя одежда светлых тонов, исключавшая брюки). Примечательно, что журнал акцентировал внимание на назначении женщины, призванной реализовывать свои таланты дома, и в то же время знакомил читательниц с текущей военно-политической ситуацией. Тем самым на визуальном уровне воплощалась идеологическая концепция «разделения сфер», согласно которой немецкая женщина имела равные с мужчиной права, за исключением права управлять государством, быть судьей или солдатом [там же, с. 132].

Визуальные образы женщин на страницах NSFW не только отражали установку на исключение из видеоряда не-ариек и тех, кто вынужден жить своим трудом, но также отличались высокой степенью внешнего сходства (рост, тип фигуры, цвет глаз и волос, стиль одежды, ношение нацистских значков); зачастую женщины на картинках выглядели как близнецы. В связи с этим автор статьи делает вывод об «узких рамках идеала феминного, противопоставляемого маскулинному и транслируемого через иконические образы журнала» [там же, с. 134]. Отличительной чертой всех публикаций и визуальных образов, продолжает Россман, является отображение / воплощение тезиса о войне как части повседневности. При этом фотографии солдат на поле боя или соответствующие военные иллюстрации никогда не соседствуют на одной и той же странице с изображениями женщин (за исключением демобилизованных по ранению в окружении сестер милосердия). Тем самым образы феминного и маскулинного разделяются как принадлежащие к разным сферам жизни (публичное – приватное, война – домашний очаг). Тем не менее очень часто требуется сосредоточиться на иконографии изображения (на атрибутах женского / мужского, например – подол платья или ребенок рядом), чтобы четко дифференцировать маскулинное и феминное. Это связано с тем, поясняет свои наблюдения автор, что визуальные образы в журнале тиражируют имидж героического арийского тела, которым в равной мере наслаждаются представители обоих полов. Это находит выражение в намеренном удлинении женских силуэтов с

широкими (согласно моде того времени) плечами, в выразительности мимики, статности фигуры, подчеркнуто прямой осанке и т.п. Во всяком случае, изображения взрослых и детей в NSFW разнятся между собой куда заметнее, чем образы мужчин и женщин, для которых характерен «схожий тип половой невыраженности» [там же, с. 135–137]. Автор статьи полагает, что сходство в изображении людей разных полов позволяет обнаружить «второй уровень смыслов», а именно – «параллель между образом атакующего солдата и привлекательной женщины в вечернем платье» – параллель, которая как раз и препятствует размещению изображений мужчин и женщин на одной и той же странице. Автор усматривает созвучие практики параллельных образов в женском журнале с одной из речей Адольфа Гитлера, где тот уподобляет процесс деторождения военному сражению [там же, с. 136; 138].

Таким образом, резюмирует свои выводы Э.Ю. Росман, особенностью эстетики феминного в нацистском официальном дискурсе, нашедшем визуальное воплощение на страницах NSFW, выступает ее изначальный андроцентризм. В основе изображения женского тела, которое «ассоциируется у идеологов режима с приватной сферой, [...] лежит образ мужчины-солдата» [там же, с. 139]. Идея единого арийского телесного опыта, связь приватной жизни с военным бытом, воплощенные визуально, приводят к тому, что «выявить отдельную, обособленную от милитаристской эстетики феминную образность представляется сложным» [там же]. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые западные исследователи нацистских СМИ и визуального искусства [Linke, 2002].

Статья научного сотрудника Лаборатории методологии социальных исследований и прогнозирования РАНХиГС (г. Москва) Ольги Пинчук (далее – *О.*) и руководителя этой лаборатории старшего научного сотрудника ИС РАН Дмитрия Рогозина (далее – *Д.*) построена в виде полемического диалога, предметом которого служит отношение пожилых россиян к своему интимному опыту [Пинчук, Рогозин, 2018]. Авторы определяют жанр своей совместной публикации как автоэтнографическое письмо, подчеркивая популярность такой стилистики в зарубежных академических журналах. Суть автоэтнографии, поясняет *Д.*, составляет отказ от канонов научного осмысления фактов как «безразличных» иссле-

дователю и их толкования с помощью стилистических оборотов и фигур речи, оставляющих «за скобками» личность интерпретатора («мы»; «можно утверждать»; «напрашивается вывод» и т.п.). По мнению *О.* и *Д.*, приемы научной объективации исследуемого материала, исключая влияние на процесс анализа личного опыта ученого, не способны полностью нейтрализовать применение этого опыта в объяснении опыта других людей. Между тем в рамках автоэтнографии, которая изначально создается в качестве личного повествования или текста от первого лица, субъективное отношение исследователя к предмету исследования и его заинтересованное отношение к анализируемому материалу выступают главными инструментами научной работы и критериями оценки адекватности результата. Эти особенности «необъективной автоэтнографии» не только не лишают научной ценности итоговый текст, но, напротив, «обогащают его новыми интерпретативными возможностями», поскольку автор «открыто инкорпорирует [...] свои размышления в процесс создания академического осмысленного письма» [там же, с. 104] (см. также: [Рогозин, 2015; Holman-Jones, 2005]).

Свою дискуссию, нашедшую отражение в настоящей статье, *О.* и *Д.* характеризуют как «коллаборативную автоэтнографию»: авторы сопоставляют свои варианты субъективного толкования эмпирических данных и ищут точки соприкосновения / расхождения в своих выводах. Они подчеркивают, что цель их работы – это не описание фактов, а дискуссия по их поводу. Предмет данной дискуссии составляют ответы россиян в возрасте 65+ на вопросы стандартизованного телефонного интервью, касающегося их интимного опыта. В качестве эмпирической базы использовались аудиозаписи из массива данных, собранных в июле 2017 г. в ходе Всесоюзного репрезентативного опроса о практиках старения в российских семьях (было опрошено 2000 человек, 56% из них составляли пожилые люди). Опрос проводился Лабораторией методологии социальных исследований РАНХиГС; в статье использованы 26 аудиointerview, прослушанных *О.* (14 женщин и 12 мужчин в возрасте 65–92 лет). В центре внимания *О.* и *Д.* – «смыслы, доводы и аргументы, манера речи пожилых людей», характерные для их телефонных бесед с посторонним человеком (интервьюером-женщиной) «на столь деликатную тему, как интимная жизнь» [Пинчук, Рогозин, 2018, с. 103]. Диалог по каждому из

фрагментов интервью открывает реплика *О.*, затем следует развернутый комментарий *Д.*, в заключение авторы обсуждают свои варианты интерпретации аудиофрагмента. Стандартизованное интервью включало следующие простые вопросы: когда была первая интимная близость; есть ли сексуальные отношения в настоящее время; а если нет, то когда они закончились. Основная тема дискуссии связана с выявившимся в ходе изучения аудиозаписей отождествлением респондентами интимного опыта и супружества. Большинство опрошенных обоего пола однозначно связывали в своих ответах начало интимной жизни с датой свадьбы, а ее окончание – со смертью супруга / супруги.

Толкование смыслов и социальной подоплеки ответов пожилых респондентов существенно расходится в комментариях *О.* и *Д.* Для *О.* обнаруженное тождество понятий «интим – брак» свидетельствует об устаревших нравственных ценностях и социальных нормах, которые характерны для «поколения наших бабушек и дедушек», выросших в СССР. С ее точки зрения, отношение к сексуальному опыту поколения 65+ несовместимо с моральными установками современной молодежи, сформировавшимися на фоне кардинальной социальной трансформации постсоветского жизненного пространства. По мнению ее соавтора, для которого респонденты олицетворяют «поколение отцов», ситуация не столь однозначна. Он полагает, что корректнее было бы говорить не о «разрыве поколений», а о том, что тема интимных отношений все еще табуирована в российском обществе. Об этом свидетельствует не только стремление пожилых россиян замаскировать тему сексуального опыта ссылками на опыт супружества, но и неумение (нежелание) интервьюера так или иначе разорвать безоговорочную привязку секса к браку. В вопросах, задаваемых респондентам, имела место заведомая подмена понятий (сексуальный партнер / супруг), замечает *Д.*, которая усугубляется взаимной неловкостью участников телефонного разговора (частые паузы, напряженность, стремление разрядить обстановку смехом и т.п.). Приглушенная женская интимность и отчуждение от своего тела как источника сексуальных удовольствий, о которых говорит *О.*, – это, по замечанию *Д.*, не результат советского воспитания, а показатель неготовности обеих сторон свободно рассуждать на тему интимного опыта. Что же касается отмеченных *О.* более разнообразных отве-

тов мужчин на вопросы интервью, то *Д.* связывает это с «гендерными особенностями коммуникации», поскольку вопросы задавала неизвестная дама с приятным голосом [там же, с. 115].

В сходных и скурых ответах опрошенных *Д.* усматривает «отсутствие публичного языка», «неуклюжесть и сбивчивость интервьюеров», поддерживающих отождествление интимности и брака. «Разговор об этом требует значительных усилий от собеседников, и это мало зависит от возраста», – резюмирует свою позицию *Д.* [там же, с. 118]. Он подчеркивает, что его задача состоит не столько в том, чтобы опровергнуть вывод *О.*, сколько в том, чтобы подвергнуть сомнению однозначность этого вывода и тем самым акцентировать проблематичность «разговора о самой важной составляющей человеческой жизни», каковой является сексуальный опыт [там же, с. 119]. В заключение *О.В. Пинчук* и *Д.М. Рогозин* еще раз поясняют цель своей полемической статьи, состоявшей не столько в дискредитации одного из традиционных методов социологического исследования (стандартизованное интервью), сколько в том, чтобы продемонстрировать результативность приемов, которые дают возможность «толковать и перетолковывать услышанное в собственной системе координат» [там же, с. 120].

Тексты из журнала «Социология власти», представленные в настоящем обзоре, позволяют сделать заключение о том, что тема сексуальности – в качестве составляющей глобальной политической повестки и измерения современной общественной жизни – не остается без внимания российских социологов. Разумеется, требуются более масштабные исследования, прежде всего эмпирического характера, для того чтобы не только обозначить социально-политический ракурс проблемы секс-меньшинств в отечественном контексте и ее официальные идеологические составляющие, но и выяснить, каковы сегодня векторы развития массовых социальных представлений в России, связанных с такими явлениями, как ЛГБТ и квир.

Список литературы

Ганова Е.И. Классовый вопрос постсоветского феминизма, или Об отвлечении угнетенных от революционной борьбы // Гендерные исследования. – 2006. – № 15. – С. 144–164.

Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.

Жайворонок Д.В. Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 33–58.

Кондаков А.А. Международные дискуссии о гомосексуальности: эффекты бумеранга в потоках власти // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 14–32.

Пинчук О.В., Rogozin Д.М. «На пляж шестидесятым автобусом»: автоэтнографические толкования стандартизованных интервью с пожилыми людьми об интимной жизни // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 101–124.

Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. – 2015. – № 1. – С. 224–273.

Росман Э.Ю. Женщины и женское в эстетике Третьего рейха: анализ подборки журналов «NS-Frauen-Warte» за 1941 г. // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 125–135.

Сенькова О.А. «Особо не до либидо»: солидарности и политики сексуальности в низовых феминистских инициативах Петербурга // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 79–93.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.

Ходырева Н.В. Гламурный имидж проституции вводит в заблуждение // Womenation.org: информационный портал женского освободительного движения. – 2014. – 3 января. – Режим доступа: <http://womensation.org/hodyreva-prostitution-glam-image/> (Дата обращения: 10.08.2020.)

Ходырева Н.В. Современные дебаты о проституции: гендерный подход. – СПб.: Алетейя, 2006. – 276 с.

Шторн Е.М. Сексуальное беспокойство: растревоженная машинерия интимности // Социология власти. – 2018 а. – Т. 30, № 1. – С. 8–13.

Шторн Е.М. Убийство негетеросексуалов на почве ненависти // Социология власти. – 2018 б. – Т. 30, № 1. – С. 60–78.

Butler J. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. – N.Y.: Routledge, 1990. – XXXIII, 221 p.

Haraway D. Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist studies. – 1988. – Vol. 14, N 3. – P. 575–599.

Holman-Jones S. Autoethnography: making the personal political // The SAGE handbook of qualitative research / ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. – Thousand Oaks (CA): SAGE, 2005. – P. 763–791.

Linke U. Anti-semitism and misogyny // Sacrifice and national belonging in twentieth-century Germany / ed. by M. Funck, G. Eghigian, P. Matthew. – Texas: A&M univ. press, 2002. – P. 148–195.

Vance C.S. Pleasure and danger: exploring female sexuality. – Boston (MA): Routledge & Kegan Paul, 1984. – XX, 462 p.

УДК 316.77

2020.04.003. ЕВСЕЕВА Я.В. ИНТИМНОСТЬ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА. (Обзор).

EVSEEVA Ya.V. Intimacy in the times of the Internet. (Review). DOI: 10.31249/rsoc/2020.04.03

Аннотация. В обзоре рассматриваются некоторые проблемы интимности в социальных сетях: поддержание дружеских и построение новых романтических отношений; взаимодействия онлайн как способ накопления социального капитала; селфи как образ себя.

Abstract. The review considers some issues of intimacy in social media: maintaining friendships and building new romantic relationships; online interactions as a means of accumulating social capital; a selfie as an image of self.

Ключевые слова: интимность; приватное; публичное; социальные сети; «Фейсбук»; социальный капитал; романтические отношения; дружба; селфи.

Keywords: intimacy; private; public; social media; Facebook; social capital; romantic relationships; friendship; selfie.

В цифровую эпоху меняется то, как люди реализуют себя в публичном пространстве и строят отношения с другими, как они в принципе понимают приватное и публичное и выстраивают границы между этими сферами. Авторы работ, послуживших основой данного обзора, анализируют эти и другие вопросы, связанные с интимностью в Интернете и, шире, – во времена Интернета.

Кристина Мигель (Бизнес-школа Университета Лидса, Великобритания) в своей книге, посвященной личным отношениям индивидов в современных обществах [Miguel, 2018], исследует широкий спектр проблем, связанных с интимностью, делая особый акцент на знакомствах в социальных сетях, т.е. завязывании новых взаимоотношений. Свой анализ она начинает с рассмотрения феномена сетевой культуры (network(ed) culture). По М. Кастельсу, то, как мы строим, поддерживаем, видоизменяем или разрываем социальные отношения, в конце прошлого столетия обрело новую